

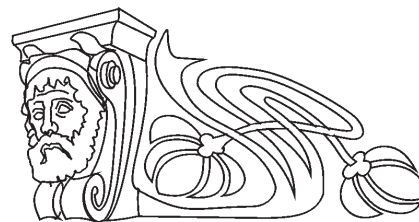

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 99–106
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 99–106
<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-1-99-106>, EDN: SPHNWL

Научная статья
УДК 342.413

Историческая память как категория конституционного права

И. Д. Кирносов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Кирносов Иван Денисович, аспирант кафедры конституционного и муниципального права, kir-iv.2215@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1655-8928>

Аннотация. Введение. Историческая память является неотъемлемой частью национального самосознания и определяет основные ценности и принципы жизни общества. Появление в тексте Конституции России правовых норм, закрепляющих концепцию исторического развития Российского государства, устанавливающих новые обязанности государства чтить память защитников Отечества, обеспечивать защиту исторической правды и не допускать умаления значения подвига народа при защите Отечества, позволяет говорить о формировании новой категории конституционного права – категории исторической памяти. **Теоретический анализ.** Общетеоретическое осмысление правовых категорий позволяет выделить такие их черты, как абстрагированность, универсальность, обобщенность, объективность, содержательность, системность. Всеми этими качествами обладают и конституционно-правовые категории, их особенностями являются также высокая степень аксиологичности и основополагающий характер, что обусловлено свойствами Конституции как базового политико-правового акта, определяющего отношения между государством, человеком и обществом. **Эмпирический анализ.** Анализ формирования национальной памяти в дореволюционный и советский периоды показывает, что концепция исторической памяти, как правило, носила идеологический характер. В Конституции Российской Федерации, принятой 12 декабря 1993 г., концепция национальной истории отсутствовала. Поправки в Конституцию 2020 г. в том числе были призваны исправить указанный пробел и включали в себя положения, направленные на создание концепции исторической памяти. **Результаты.** Концепция исторической памяти, как она представлена в действующей редакции Конституции, направлена: на установление идеи преемственности в развитии Российского государства; обоснование единства государства, сложившегося в результате тысячелетней истории; на обусловленность духовно-нравственных ценностей традицией; указание на особую роль государства в защите исторической памяти.

Ключевые слова: конституционно-правовая категория, историческая память, национальная концепция истории, историческое наследие

Для цитирования: Кирносов И. Д. Историческая память как категория конституционного права // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 99–106. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-1-99-106>, EDN: SPHNWL

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Historical memory as a category of constitutional law

I. D. Kirnosov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Ivan D. Kirnosov, kir-iv.2215@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1655-8928>

Abstract. Introduction. Historical memory is an integral part of national identity and defines the core values and principles of life in society. Legal norms in the text of the Constitution of Russia that consolidate the concept of historical development of the Russian state and establish new obligations of the state to honor the memory of defenders of the Fatherland, to ensure the protection of historical truth and to prevent belittling the significance of the people's feat in defense of the Fatherland allow us to talk about the formation of a new category in the constitutional law – the category of historical memory. **Theoretical analysis.** General theoretical understanding of legal categories allows us to highlight such features as abstraction, universality, generality, objectivity, content, consistency. All these qualities are inherent in constitutional categories; their features also include a high degree of axiology and fundamental character, which, due to the properties of the Constitution as a basic political and legal act, define the relationship between the state, an individual and society as a whole. **Empirical analysis.** The analysis of the formation of national memory in pre-revolutionary and Soviet periods shows that the concept of historical memory was commonly ideological in nature. The concept of national history was absent in Constitution of the Russian Federation, adopted on December 12, 1993. The 2020 Amendments to the Constitution were also intended to correct this gap and include provisions aimed at creating the concept of historical memory.

Results. The concept of historical memory, as it is presented in the current version of the Constitution, is aimed at: establishing the idea of continuity in the development of the Russian state; justification for unity of the state, formed as a result of a thousand-year history; conditionality of spiritual and moral values by tradition; indication of the special role of the state in protecting historical memory.

Keywords: constitutional and legal category, historical memory, national concept of history, historical heritage

For citation: Kirnosov I. D. Historical memory as a category of constitutional law. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 99–106 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-1-99-106>, EDN: SPHNWL

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Внимание к феномену исторической памяти – характерная черта современных социальных наук. Как афористически отмечает в своей монографии С. А. Еремеева, «историки утратили монополию на знание прошлого. Однако авторитет прошлого как места смыслов сохраняется и, возможно, даже укрепляется» [1, с. 12]. Похожей позиции придерживается и О. Ю. Малинова, разделяющая «формальную или профессиональную историю» и «публичную историю»; «публичная история» представляет собой «репрезентации и интерпретации прошлого, адресованные широкой аудитории неспециалистов», «оказывает существенное влияние на формирование представлений о “нас” и мобилизацию групповой солидарности» [2, с. 6]. Восприятие социумом своего прошлого, «общей версии истории» получило обозначение коллективной или исторической памяти.

Современными исследователями историческая память рассматривается как «важнейший компонент общественного сознания» [3, с. 61], «особый механизм, обеспечивающий непрерывность развития социума, передачу культурных достижений от поколения к поколению» [4, с. 181]. К. С. Романова называет историческую память «мощным регулятором общественного сознания» и отмечает, что «многие науки, объединяющиеся вокруг проблемы исторической памяти, едины во мнении о прямой зависимости восприятия событий настоящего времени от знаний и оценки событий прошлого» [5, с. 31].

По мнению А. А. и А. Ю. Дорских, «переживание истории» является одним из способов самоидентификации российской нации [6, с. 124].

Понятие исторической памяти многогранно само по себе. Е. А. Мокроусова обозначает его как «символическую репрезентацию исторического прошлого» [7, с. 14], используя формулировку М. Хальбвакс – «коллективное культурное произведение» [8], и обращается к традиционному пониманию исторической памяти как совокупности передаваемых из поколения в поколение исторических сюжетов, мифов и рефлексий.

Наиболее емкое понятие исторической памяти дано в исследовании Ж. Т. Тощенко,

который считает, что историческая память «представляет собой совокупность идей, взглядов, представлений, чувств, настроений, отражающих восприятие и оценку прошлого во всем его многообразии, присущем и характерном как для общества в целом, так и для различных социально-демографических, социально-профессиональных и этносоциальных групп, а также отдельных людей» [9, с. 4].

С точки зрения И. Е. Козновой, коллективная историческая память является результатом компромиссного взаимодействия между государством и обществом, она формируется в процессе реализации общественного стремления к построению консенсусного представления о своем прошлом [10, с. 23]. В связи с этим говорится о государственной «политике памяти» как отдельном виде политических отношений в современном мире [11, с. 122].

Появление в тексте Конституции России правовых норм, закрепляющих концепцию исторического развития Российского государства, устанавливающих новые обязанности государства чтить память защитников Отечества, обеспечивать защиту исторической правды и не допускать умаления значения подвига народа при защите Отечества, позволяет говорить о формировании новой категории конституционного права – категории исторической памяти.

Теоретический анализ

Правовые категории рассматриваются в юридической науке как легалистические абстракции, охватывающие множество правовых явлений и процессов, обобщающие и отражающие их суть.

Образное определение правовой категории было дано советским правоведом А. М. Васильевым, который считал, что «уплотняя юридические знания, правовые категории воспроизводят стороны и моменты правовой действительности в “чистом” от случайных проявлений виде. Благодаря этому они выражают объективно необходимое и существенное в праве» [12, с. 66].

Сравнивая термины «понятие» и «категория», А. С. Автономов отмечал, что «понятие раскрывает изолированное явление», а «в каждой

категории запечатлены закономерности существования и эволюции целого класса явлений, находящихся в тесном и постоянном взаимодействии, в результате чего они образуют систему» [13, с. 5].

По мнению А. А. Рудакова, «научная категория – это развитая форма абстрактного мышления человека, предельно отражающая и обобщающая существенные свойства и связи предметов, явлений и процессов объективного мира в виде содержательных образов, выполняющая логико-гносеологическую и методологическую функцию в познании окружающей действительности» [14, с. 42–43]. Подобной точки зрения придерживается и А. Ю. Акашкин, считающий емкостью, универсальностью и глубокое обобщение необходимыми условиями для обозначения какого-либо явления в качестве категории [15, с. 4].

На примере исследования различных правовых явлений можно сделать выводы об особенностях понимания правовой категории в конституционном праве. Н. С. Бондарь, рассматривая достоинство личности в качестве конституционно-правовой категории, говорит о нем как о неотъемлемом свойстве биосоциального человеческого существа, указывая на широкий междисциплинарный универсально-ценностный характер изучаемого понятия [16, с. 22]. Подобная позиция представлена и в работе Н. Н. Аверьяновой, рассматривающей категории «общего» и «личного» в конституционном праве. Исследовательница привлекает внимание к понятию общего блага, отождествляемого российским народом с духовными ценностями, т. е. нравственными предписаниями, которые воспринимаются большинством в качестве незыблемых устоев общественного бытия. Автор подчеркивает, что «в условиях глобализации встает вопрос о сохранении ... национальной идентичности российского народа. Эти ценности ... необходимо отстаивать и охранять как важнейшее из условий сохранения российской государственности» [17, с. 48].

К. Агафонова, исследуя в качестве конституционно-правовой категории свободу личности, подчеркивает ее обобщенно-комплексный характер, что позволяет субъектам реализовывать всю совокупность конституционных прав [18, с. 42]. Обозначая в качестве конституционно-правовой категории взаимодействие политических партий и государства, Я. А. Коновальчиков полагает, что такой подход позволит «сформулировать теоретическую модель идеальных отношений политических партий и государства», что, в свою очередь, окажет положительное влияние на укрепление конституционных основ плюрализма и многопартийности [19, с. 74].

На инструментально-прогностическую роль конституционно-правовых категорий указывает М. А. Липчанская, подчеркивая, что их конституционное содержание является определяющим «вектором развития отечественного законодательства» [20, с. 66].

Общетеоретическое осмысление правовых категорий позволяет выделить такие их черты, как абстрагированность, универсальность, обобщенность, объективность, содержательность, системность. Всеми этими качествами обладают и конституционно-правовые категории, их особенностью являются также высокая степень аксиологичности и основополагающий характер, что обусловлено свойствами Конституции как базового политико-правового акта, определяющего отношения между государством, человеком и обществом.

Эмпирический анализ

Формирование исторической памяти уходит своими корнями в эпоху дореволюционного периода истории Российского государства, проявляясь как в форме академических научных исследований, так и в виде официальных государственных доктрин, в развитии которых сыграли ключевую роль такие видные деятели, как историк, поэт и литератор Н. М. Карамзин, считавший роль личности ключевым двигателем исторического процесса, и граф С. С. Уваров, предложивший теорию официальной народности в качестве государственной доктрины.

Отечественная концепция истории бдительно охранялась цензурой. Например, Цензурный устав от 10 июня 1826 г. предписывал, что цензорам при рассмотрении исторических произведений следует обращать преимущественное внимание на «нравственную и политическую цель оных и на дух, в котором целое сочинение сего рода написано» (п. 177) [21, с. 172–173]. Исследовательница российской цензуры С. А. Куликова отмечает, что цензурированию подлежали исторические сочинения, «если в них отсутствовали поучительные наставления современников или сочувственно описывались лица, выступавшие против монархического правления» [22, с. 41]. Таким образом, деятельность цензоров была направлена на формирование концепции исторического развития, не противоречащей общему запрету критики монархической власти.

Конституционно-правовое решение проблемы отношения к истории получило свое отражение в советских конституциях.

Конституция РСФСР 1918 г. обозначала в качестве основной задачи построение государства, свободного от эксплуатации, установление социалистической организации общества и декларировала критическое отношение к буржуазной цивилизации прошлого, поэтому она содержала лишь лаконичную оценку исторического процесса как непрерывной борьбы эксплуатируемых и эксплуататорских классов.

Основной закон СССР от 1924 г. уже отмечал в преамбуле несколько исторических событий: октябрь 1917 г., годы Гражданской войны и образование советских республик. Таким образом, Конституция декларировала начало нового исторического периода и не содержала отсылок к прошлой (досоветской) истории.

После принятия Конституции СССР 1936 г. наметился отход от революционных и интернациональных идеалов и сосредоточение на государственных и патриотических ценностях. В тексте Конституции полностью игнорировалась историческая проблематика: преамбула, где могла бы даваться оценка предыдущим периодам отечественной истории, отсутствовала, среди полномочий органов государственной власти СССР и союзных республик указаний на сохранение исторического наследия не содержалось.

Брежневская Конституция «развитого социализма» 1977 г. в тексте преамбулы подробно излагает обобщенный идеологически мотивированный вариант прочтения истории, называя советское государство «государством нового типа, основным орудием защиты революционных завоеваний, строительства социализма и коммунизма», а события 1917 г. – «всемирно-исторический поворот человечества от капитализма к социализму». Трактовка конкретных исторических событий имеет идеологический окрас: к примеру, победа в Великой Отечественной войне представляется не иначе как «яркое проявление силы социализма». «Развитое социалистическое общество», построенное в СССР, согласно тексту Конституции 1977 г., является «закономерным этапом на пути к коммунизму».

Конституция 1993 г. создавалась и принималась в исторических обстоятельствах, когда вопросы, связанные с исторической памятью, не являлись частью актуальной повестки. Перед законодателями стоял ряд задач, направленных на создание и закрепление конституционных основ существования молодого демократического государства, противопоставляющего себя на политическом, экономическом и мировоззренческом уровнях советской модели управления. Поэтому

конституционные проекты если и содержали нормы, напрямую или косвенно связанные с исторической памятью, то лишь в виде лаконичных и единичных положений.

К примеру, в преамбуле Саратовского проекта Конституции РФ говорилось, что Конституция принимается гражданами, «сознавая историческую ответственность за судьбу России» [23, с. 9].

В проекте Конституции РФ, подготовленном Конституционной комиссией Съезда народных депутатов Российской Федерации ст. 52 говорила об обязанности граждан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории, культуры и природы, а ст. 70 декларировала взаимодействие общества и государства в деле «сохранения, развития и защиты национальных культур, памятников истории, интеллектуального и художественного наследия...» [24, с. 49, 70].

В Конституции Российской Федерации, принятой 12 декабря 1993 г., концепция национальной истории отсутствовала. В Преамбуле Конституции содержатся краткие положения, имеющие отношение к отечественной истории и памяти, такие как «исторически сложившееся государственное единство», «память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость», а также «возрождение суверенитета России». Кроме того, в Конституции РФ установлена обязанность каждого заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры (ч. 3 ст. 44), охрана памятников истории и культуры отнесена к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов (п. «д» ч. 1 ст. 72) [25].

Такое лаконичное отражение исторической проблематики в тексте Конституции критиковалось в науке конституционного права. Например, Б. О. Ширей обращал внимание на то, что «Преамбула Конституции РФ незаслуженно умалчивает о событии, ставшем эпохальным в истории всего человечества – победе во Второй мировой войне. Данью памяти жертвам диктатуры политического режима XX в. могло бы стать публичное осуждение в Преамбуле Конституции РФ репрессий XX в. и провозглашение решимости народа не допустить повторения подобного в будущем» [26, с. 14].

Конституционалисты отмечают, что отсутствие консенсуса в понимании исторического прошлого страны, характерное для периода перестройки, когда принималась Конституция, не могло не отразиться на ее содержании,

«в итоге тема советской истории и ее связи с “новой” Россией была попросту проигнорирована авторами документа» [27, с. 48].

Поправки в Конституцию в 2020 г. в том числе были призваны исправить указанные пробелы и включали в себя положения, направленные на создание концепции национальной памяти.

Этому служат, во-первых, положения ч. 1 ст. 67.1, провозглашающие Российскую Федерацию правопреемником Союза ССР на своей территории, а также правопреемником (правопродолжателем) Союза ССР в отношении членства в международных организациях, участия в международных договорах за пределами территории РФ; во-вторых, нормы ч. 2 этой же статьи, где содержится указание на «преемственность в развитии Российского государства», «исторически сложившееся государственное единство» и опять «память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога». В ч. 3 ст. 67.1 получили закрепление нормы, направленные на защиту государственной мемориальной концепции: в частности, устанавливаются обязанности Российской Федерации чтить память защитников Отечества, обеспечивать защиту исторической правды и не допускать умаления значения подвига народа при защите Отечества. Таким образом, представленная в ст. 67.1 конституционно-правовая концепция национального образа истории России основывается на принципах единства и преемственности и не содержит негативных оценок каких-либо отдельных периодов нашей истории. Она способствует формированию новых обязанностей государства по защите исторической памяти и закрепляет основные механизмы такой защиты.

Именно норма о государственной защите исторической правды, сформулированная в ч. 3 ст. 67.1, вызвала больше всего дискуссий в научной литературе. Авторы обращают внимание на соотношение норм ст. 67.1 с другими принципами и институтами конституционного права. В. Д. Мазаев указывает, что в «понятиях “правопреемство в историческом развитии”, “защита исторической правды”, “патриотизм”, “гражданственность”, “общероссийская культурная идентичность” дается представление о важнейших идеологических ориентирах для общества, государства, личности» [28, с. 22].

П. А. Астафичев, рассматривая понятие «историческая правда» в качестве категории современного конституционного права, говорит о потенциальных противоречиях в новых нормах Конституции, критикуя закрепляемый ими идеологизированный взгляд на отечественную

историю, по мнению автора, ограниченный рамками Второй мировой войны, и указывает на широкий нормативный смысл вновь принятых конституционных положений. Автор задается вопросом о возможности иного прочтения исследуемых норм, вне контекста идеологически сформированных нормативных установок императивного ограничивающего характера [29, с. 120].

Результаты

Можно сделать вывод, что историческая память – многогранная конституционно-правовая категория, охватывающая широкий круг общественных отношений. В тексте Конституции Российской Федерации она концептуализируется в понятиях «исторически сложившееся государственное единство», «тысячелетняя история», «преемственность в развитии Российского государства», «память предков», которая постулирована как основа патриотизма («любовь и уважение к Отечеству») и духовно-нравственных ценностей («вера в добро и справедливость», «идеалы», «вера в Бога»), «защита исторической правды», сохранение памяти о «подвиге народа при защите Отечества», «охрана памятников истории и культуры».

Таким образом, концепция исторической памяти, как она представлена в действующей редакции Конституции, направлена: 1) на установление идеи преемственности в развитии Российского государства; 2) на обоснования единства государства, сложившегося в результате тысячелетней истории; 3) на обусловленность духовно-нравственных ценностей традицией (они переданы нам от предков); 4) на указание на особую роль государства в защите исторической памяти.

Закрепление правового определения термина «историческая память» – важнейший шаг в процессе конституционализации исследуемого понятия, конкретизации его в правовом поле.

Список литературы

1. Еремеева С. А. Память: поле битвы или поле жатвы? М. : Дело, 2021. 360 с.
2. Малинова О. Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // Политика. Анализ. Хроника. Прогноз: Журнал политической философии и социологии политики. 2017. № 4 (87). С. 6–22. EDN: ХТХФРР
3. Кохан Ж. С., Рыболова Е. А., Толстиков В. А. Историческая память как важнейший компонент общественного сознания // Гуманитарные, социально-

- экономические и общественные науки. 2021. № 3. С. 61–64. <https://doi.org/10.23672/0108-5857-3421-v>, EDN: RTRQCM
4. Тюкина Л. А. Память и историческая память: соотношение понятий // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 1 (20). С. 181–187. <https://doi.org/10.20323/2499-9679-2020-1-20-181-187>
 5. Романова К. С. Дискурсы исторической памяти // Дискурс-Пи. 2016. № 3–4 (24–25). С. 31–36. EDN: ZCPUBL
 6. Дорская А. А., Дорский А. Ю. Официальная политика памяти в современной России: юридическое измерение // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2018. Т. 9, вып. 2. С. 124–138. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu14.2018.201>
 7. Мокроусова Е. А. Исторический подход к проблеме памяти: понятие исторической памяти // Всероссийский журнал научных публикаций. Август 2011. С. 14–15.
 8. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2> (дата обращения: 06.05.2023).
 9. Тоценко Ж. Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 3–14.
 10. Кознова И. Е. Историческая память и основные тенденции ее изучения // Социология власти. 2003. № 2. С. 23–24. EDN: HUAOGH
 11. Аникин Д. А. Стратегии трансформации политики памяти в современной России: региональный аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии. 2012. № 5 (18). С. 121–126.
 12. Васильев А. М. Правовые категории: Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М. : Юридическая литература, 1976. 264 с.
 13. Автономов А. С. Системность категорий конституционного права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999. 40 с.
 14. Рудаков А. А. Парные юридические категории: теория прав и обязанностей. М. : Проспект, 2016. 232 с.
 15. Акашкин А. Ю. Правовая категория: содержание и значение // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Право. 2008. Т. 4, вып. 1. С. 3–7.
 16. Бондарь Н. С. Конституционная категория достоинства личности в ценностном измерении: теория и судебная практика // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 4. С. 19–31. EDN: YMXSHZ
 17. Аверьянова Н. Н. Категории «общее» и «личное» в конституционном праве России // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16, № 7. С. 44–51. <https://doi.org/10.17803/19941471.2021.128.7.044-051>
 18. Агафонова К. Категория свободы в конституционном праве России // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. № 1. С. 34–44.
 19. Коновальчиков Я. А. Взаимодействие политических партий и государства как конституционно-правовая категория // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 9. С. 74–81. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2018.94.9.074-081>
 20. Липчанская М. А. Конституционная категория «управление делами государства»: проблема определения и содержания // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2010. Т. 10, вып. 2. С. 66–70.
 21. Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862. М. : Nobel Press, 2012. 484 с.
 22. Куликова С. А. Конституционный запрет цензуры в России / под ред. Г. Н. Комковой. М. : Проспект, 2017. 256 с.
 23. Саратовский проект Конституции России / предисл. В. Т. Кабышева. М. : Формула права, 2006. 64 с.
 24. Проект Конституции РФ, подготовленный Конституционной комиссией Съезда народных депутатов Российской Федерации: Документы и материалы. М. : Республика, 1993. 95 с.
 25. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ, от 04.10.2022 № 5-ФКЗ, от 04.10.2022 № 6-ФКЗ, от 04.10.2022 № 7-ФКЗ, от 04.10.2022 № 8-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398 ; 2020. № 11, ст. 1416.
 26. Ширей Б. О. Конституционные основы сохранения исторического и культурного наследия Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. 28 с.
 27. Куликова С. А., Митрохин В. А. Преемственность как политико-правовая категория развития государства // Политический образ будущего России: Стратегические приоритеты и перспективы в условиях идейно-ценностного плюрализма : сб. науч. ст. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. А. А. Вилков. Саратов : Саратовский источник, 2020. С. 47–52. EDN: WBRRIG
 28. Мазаев В. Д. Поиск новых смыслов продолжается (по внесенным поправкам к Конституции РФ) // Lex Russica (Русский закон). 2021. Т. 74, № 7. С. 15–31. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.176.7.015-031>
 29. Астафичев П. А. Историческая правда как категория современного конституционного права: опыт конституционных поправок 2020 г. // Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 5. С. 116–121. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2021.81.5.116-121>, EDN: DXXGVB

References

1. Ereemeeva S. A. *Pamyat` : pole bitvy ili pole zhatvy? [Memory: Battlefield or harvestfield?]*. Moscow, Delo, 2021. 360 p. (in Russian).

2. Malinova O. Yu. Commemoration of historical events as instrument of symbolic politics: Possibilities of comparative analysis. *Polity. Analysis. Chronicle. Forecast: Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics*, 2017, no. 4 (87), pp. 6–22 (in Russian). EDN: XTXFPP
3. Kohan Zh. S., Rybolova E. A., Tolstikov V. A. Historical memory as the most important component of public consciousness. *Humanities, Social-Economic and Social Sciences*, 2021, no. 3, pp. 61–64 (in Russian). <https://doi.org/10.23672/0108-5857-3421-v>, EDN: RTRQCM
4. Tyukina L. A. Memory and historical memory: The relationship of concepts. *Verhnevolzhski Philological Bulletin*, 2020, no. 1 (20), pp. 181–187 (in Russian). <https://doi.org/10.20323/2499-9679-2020-1-20-181-187>
5. Romanova K. S. Discourses of historical memory. *Discourse P*, 2016, no. 3–4 (24–25), pp. 31–36 (in Russian). EDN: ZCPUBL
6. Dorskaya A. A., Dorskij A. Yu. The official policy of memory in modern Russia: Legal dimension. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 2018, vol. 9, iss. 2, pp. 124–138 (in Russian). <https://doi.org/10.21638/11701/spbu14.2018.201>
7. Mokrousova E. A. Historical approach to the problem of memory: The concept of historical memory. *All-Russian Journal of Scientific Publications*, August 2011, pp. 14–15 (in Russian).
8. Hal’bvaks M. Collective and historical memory. *Nepriksnovennyy zapas [NZ Journal]*, 2005, no. 2–3 (40–41). Available at: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2> (accessed May 6, 2023) (in Russian).
9. Toshchenko Zh. T. Historical consciousness and historical memory. Analysis of the current state. *Novaya i novayshaya istoriya [Modern and Contemporary History]*, 2000, no. 4, pp. 3–14 (in Russian).
10. Koznova I. E. Historical memory and the main trends in its study. *Sociology of Power*, 2003, no. 2, pp. 23–24 (in Russian). EDN: HUAOGH
11. Anikin D. A. Transformation strategy politics of memory in contemporary Russia: A regional aspect. *Science Journal of Volgograd State University. Series 7. Philosophy. Sociology and Social Technologies*, 2012, no. 5 (18), pp. 121–126 (in Russian).
12. Vasil’ev A. M. *Pravovye kategorii: Metodologicheskie aspekty razrabotki sistemy kategoriy teorii prava [Legal categories: Methodological aspects of developing a system of categories of legal theory]*. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 1976. 264 p. (in Russian).
13. Avtonomov A. S. *Systemicity of categories of constitutional law*. Thesis Diss. Dr. Sci. (Jur.). Moscow, 1999. 40 p. (in Russian).
14. Rudakov A. A. *Parnye yuridicheskie kategorii: teoriya prav i obiazannostey [Paired legal categories: Theory of rights and obligations]*. Moscow, Prospekt, 2016. 232 p. (in Russian).
15. Akashkin A. Ju. The law category: Substance and meaning. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Law]*, 2008, vol. 4, iss. 1, pp. 3–7 (in Russian).
16. Bondar N. S. Constitutional category of human dignity in value-based measurement: Theory and court practice. *Konstitusionoe i munitsipal’noe pravo [Constitutional and Municipal Law]*, 2017, no. 4, pp. 19–31 (in Russian). EDN: YMXSHZ
17. Averyanova N. N. Categories “Public” and “Private” in the Constitutional Law of Russia. *Actual Problems of Russian Law*, 2021, vol. 16, no. 7, pp. 44–51 (in Russian). <https://doi.org/10.17803/19941471.2021.128.7.044-051>
18. Agafonova K. Category of freedom in Russian constitutional law. *Sravnitel’noe konstitusionoe obozrenie [Comparative Constitutional Review]*, 2009, no. 1, pp. 34–44 (in Russian).
19. Konovalchikov Y. A. The Interaction of Political Parties and the State as a Constitutional and Legal Category. *Actual Problems of Russian Law*, 2018, no. 9, pp. 74–81 (in Russian). <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2018.94.9.074-081>
20. Lipchanskaya M. A. Constitutional Category of “Managing State Affairs”: The Problem of its Definition and Content. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2010, vol. 10, iss. 2, pp. 66–70 (in Russian).
21. *Sbornik postanovleniy i rasporyazheniy po tsenzure s 1720 po 1862 [Collection of decrees and orders on censorship from 1720 to 1862]*. Moscow, Nobel Press, 2012. 484 p. (in Russian).
22. Kulikova S. A. *Konstitusionnyy zapret tsenzury v Rossii [Constitutional ban on censorship in Russia]*. Moscow, Prospekt, 2017. 256 p. (in Russian).
23. *Saratovskiy proekt Konstitutsii Rossii [Saratov draft of the Constitution of Russia. Preface. V. T. Kabyshev]*. Moscow, Formula prava, 2006. 64 p. (in Russian).
24. *Proekt Konstitutsii RF, podgotovlennyy Konstitusionnoy komissiyey S#ezda narodnykh deputatov Rossiyskoy Federatsii: Dokumenty i materialy [Draft Constitution of the Russian Federation, prepared by the Constitutional Commission of the Congress of People’s Deputies of the Russian Federation: Documents and materials]*. Moscow, Respublika, 1993. 95 p. (in Russian).
25. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993 (amended by Federal Constitutional Law 6-FKZ of December 30, 2008, Federal Constitutional Law 7-FKZ of December 30, 2008, Federal Constitutional Law 2-FKZ of February 5, 2014, Federal Constitutional Law 11-FKZ of July 21, 2014, Federal Constitutional Law 1-FKZ of March 14, 2020, Federal Constitutional Law 5-FKZ of September 4, 2022, Federal Constitutional Law 6-FKZ of September 4, 2022, Federal Constitutional Law 7-FKZ of September 4, 2022, Federal Constitutional Law 8-FKZ of September

- 4, 2022). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of Russian Federation], 2014, no. 31, art. 4398; 2020, no. 11, art. 1416 (in Russian).
26. Shirey B. O. *Constitutional foundations for the preservation of the historical and cultural heritage of the Russian Federation*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Jur.). Saratov, 2013. 28 p. (in Russian).
27. Kulikova S. A., Mitrokhin V. A. Succession as a political and law category of a state development. In: *Politicheskiy obraz budushchego Rossii: Strategicheskiye prioritety i perspektivy v usloviyakh ideynostennostnogo plyuralizma* [Vilkov A. A. (ed.) Political Image of the Future of Russia: Strategic Priorities and Prospects in Conditions of Ideological and Value Pluralism. Proceedings of All-Russia scientific-practical conference]. Saratov, Saratovskiy istochnik, 2020, pp. 47–52 (in Russian). EDN: WBRRIG
28. Mazaev V. D. The Search for New Meanings Continues (Concerning the Amendments to the Constitution of the Russian Federation). *Lex Russica*, 2021, vol. 74, no. 7, pp. 15–31 (in Russian). <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.176.7.015-031>
29. Astafichev P. A. Historical truth as a category of modern constitutional law: On 2020 constitutional amendments. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2021, vol. 5, pp. 116–121 (in Russian). <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2021.81.5.116-121>, EDN: DXXGVB

Поступила в редакцию 06.06.2023; одобрена после рецензирования 26.06.2023; принята к публикации 20.09.2023
The article was submitted 06.06.2023; approved after reviewing 26.06.2023; accepted for publication 20.09.2023